

архитектурѣ, а будутъ лишь воскрешать и украшать то, что создали наши предки“; что такое „возвращеніе вспять“ есть уже признакъ безсилія и отсутствія творческой силы“; что „если хотите (?), новыя архитектурныя созданія Гартмана, Ропетта и многихъ другихъ — это оригинально, но манерно, претенціозно, несвойственно матеріалу; это не творчество, а оригинальничанье, незаслуживающее вниманія, потому что оно спекулируетъ на моду и на псевдо-національность...“ и т. д. Любопытно было бы, однако же, узнать отъ В. Чуйко и разныхъ его единомышленниковъ, въ какомъ же, наконецъ, „стиль“ позволительно строить въ наше время, потому что вѣдь надобно же въ какомъ-нибудь да строить? И если эти господа укажутъ на греческій, римскій, итальянскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, какой угодно стиль — то почему же одинъ русскій долженъ быть изгнанъ вонъ и не достоинъ даже считаться „стилемъ“? Еще полезно было бы отъ В. Чуйко узнать, имѣютъ ли Пушкинъ, Лермонтовъ и Глинка право считаться людьми, создававшими въ русскомъ стилѣ, когда великія свои произведенія основывали на старыхъ народныхъ матеріалахъ, языкѣ и мелодіяхъ? И надо ли считать „Бориса Годунова“ и разныя стихотворенія Пушкина, „Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова, „Жизнь за царя“, „Руслана“ и „Камаринскую“ Глинки лже-національными поддѣлками, „не стоящими вниманія“ и доказывающими „безсиліе и отсутствіе творческой силы“? Впрочемъ, В. Чуйко достаточно проявилъ свою неприготовленность къ трактованію архитектуры, когда увѣрялъ, что „камень нынче уступаетъ мѣсто желѣзу и стеклу“ (желаемъ ему жить, особливо зимой, въ желѣзномъ домѣ!) что древняя русская архитектура, до Петра, „почти совершенно не знала каменныхъ строеній“, и что она же „никому и ничему не подражала“. Читая такія строки, становится страшно за русскаго читателя, обязаннаго читать подобныя невѣжественныя вещи и, пожалуй, вѣрить имъ.

ХП.

Если сравнивать состояніе новой русской музыки съ состояніемъ прочихъ нашихъ искусствъ за послѣднее время, музыка представить зрѣлище гораздо болѣе печальное, чѣмъ всѣ остальные искусства.

И это оттого, что то самое музыкальное дѣло наше, которое стоитъ теперь такъ высоко, какъ никогда прежде, въ то же время стоитъ и такъ низко, какъ еще никогда прежде не стояло.